

ЖАЖДА ДЕЙСТВИЯ

Чтобы договориться об этой беседе, я смогла дозвониться народному артисту СССР Асанали Ашимову только поздно ночью, когда он вернулся с киностудии. В работе фильм «Чокан Валиханов». Да, он уже прошел по Центральному телевидению, получил добрый отклик и телезрителей, и кри-

тиков. Вот именно поэтому как следствие работа продолжается. Из четырехсерийного телефильма «Чокан Валиханов» Ашимову предложили сделать фильм двухсерийный, чтобы его можно было показывать во всех кинотеатрах.

Последний месяц почти ежедневно у режиссера Ашимова

были репетиции в Казахском театре драмы. Там он поставил спектакль, посвященный XXVII съезду КПСС, — «Амангельды» по пьесе Г. Мусрепова.

Мы встретились после премьеры. Беседа, естественно, началась с того, о чем сегодня говорят все советские люди.

— Политический доклад XXVII съезду КПСС, который сделал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, обязывает всех нас задуматься о себе, о своей отдаленности, которому служишь, — сказал Ашимов. — Мне кажется, что дух съезда хорошо можно выразить одним словом — «ускорение». Это очень точное слово в полной мере относится и к творчеству, и к нам, людям искусства. Другой темп жизни, другой темп работы. Однако же и здесь я хочу выразить некоторое опасение — нельзя, чтобы ускорение было понято иными творческими работниками как суэта, конъюнктурное приспособленчество. Можно себе представить, что сейчас появится немало пьес и фильмов, которые быстро откликнутся на злобу дня. Но все ли они нужны нам? Партия предостерегает нас от поспешности, от девальвации высоких слов, лозунгов. Партия призывает работать с полной отдачей сил, работать по-новому, но это не означает, что надо «снимать» только верхний слой быстро сменяющегося событийного ряда.

Недавно по телевидению снова показали «Премию», и оказалось, что эта картина, поставленная более десяти лет назад, очень актуальна и злободневна, потому что не была конъюнктурной. В этой картине существовала мера предвидения, предчувствия, которая должна быть в искусстве. Но много ли таких фильмов?

В самый канун съезда у нас на «Казахфильме» состоялась творческая конференция, на которой было высказано немало критических замечаний. Было прямо отмечено, что в казахском кино уже несколько лет нет героя, который по-настоящему заинтересовал бы зрителей своим глубоким человеческим содержанием, активной деятельностью, взволновал бы их духовными исканиями, стремлением к правде, к истине...

Да, это проблема из проблем. В фильмах нашей студии за прошлый год я, например, увидел одного достойного героя — первоклассника в детском художественном фильме режиссера-дебютанта А. Сулеевой «Мой дом на зеленых холмах». Этот мальчишка — крепкий орешек, это мужской характер. Запомнился юный герой в фильме Е. Шинарбаева «Сестра моя Люся»... Вот и все, пожалуй. Увы, маловато!

— Проблема положительного героя давно «ясколата» дискуссионными копылами. У вас, как вижу, копы тоже наготове? Выскажите свои соображения на этот счет.

— Если говорить честно, сам термин «положительный герой» мне не по душе. Точнее сказать — Герой. Личность. Историческая личность. Если человек не прячется в кусты, не хоронится в башне из слоновой кости, он непременно в какой-то мере влияет на ход истории. И еще: даже полный набор всяческих положительных качеств сам по себе не делает человека героем. Не приложенные к общенародному делу, все достоинства — ум, обаяние, образованность, честность — теряют смысл. Мне интересен человек, герой, который живет и работает яростно, с неутомимой жаждой переступить предел, запрограммированный природой, историей. Революцию совершили люди, посмеявшие пределы разрушить. Искусство передает, призвано передавать из поколения в поколение ток революционных традиций, революционные идеалы. Наша партия свято бережет, развивает, утверждает ленинские нормы жизни. С этих позиций выверяю свое творчество и мы, советские художники, изучая проблемы современной жизни, обращаясь к историко-революционной теме.

— Премьера спектакля «Амангельды» состоялась в канун съезда. В связи с выбором этой пьесы, по мнению некоторых, «давно устаревшей», было немало толков. Полный зал на

премьере, горячая реакция публики опрокинули пессимистические предсказания сомневающихся. Признаться, я тоже не рассчитывала на такой результат.

— Начнем с того, что никто из сегодняшних драматургов новую талантливую пьесу с таким крупным героем, как Амангельды, не написал, не предложил. У этой же пьесы интересная история. Началась она почти полвека назад с киносценария, написанного в творческом содружестве Беимбетом Майлиным, Всеволодом Ивановым и Габитом Мусреповым. Исторический фильм о восстании казахской бедноты под руководством Амангельды был снят почти 50 лет назад на «Ленфильме». К моей идее вернуть пьесу на сцену Габит Мусрепов отнесся очень серьезно. Всегда взыскательный к своему собственному творчеству, он доработал пьесу. Сверхзадачу спектакля «Амангельды» для себя я сформулировал так: передать зрителям ток революционных традиций, революционных идеалов.

— Готовясь к этой беседе, я вспоминала ваши лучшие театральные спектакли: «Абай», «Енлик-Кебек», «Дон Жуан, или Любовь к геометрии»... И все-таки впервые крупного социального героя, историческую личность, вам довелось сыграть не в театре, а в кино.

— Вы имеете в виду «Конец атамана». Но ведь до этого фильма я, к сожалению, не раз появлялся на экране в «голубых» ролях — бесхарактерных, распылчатых. Роль Чадьярова в фильме Ш. Айманова «Конец атамана» стала в моей биографии эталонной. С нее начинается разработка темы, по существу, главной в моем творчестве — историко-революционной.

В работе над тем фильмом вся киногруппа получила боевой гражданский заряд. Дисциплина у нас была железная. Никакого разгильдяйства, все сжечасно на своем посту. Мы чувствовали себя так, словно любого из нас в любую минуту могут вызвать в штаб и послать на чрезвычайное задание.

Чадьяров — большевик, интернационалист, рыцарь революции из плеяды интеллигентов, порвавших со своим «родовым» классом сознательно и бесповоротно. У Чадьярова есть реальный прототип, историческая личность в прямом смысле этого слова. Это обстоятель-

ство стало надежной опорой в работе над ролью, давало веру во все происходящее. Создавая образ Чадьярова, я вживался в него с радостью, обнаруживая горячие точки духовного соприкосновения, черт характера. Когда «Конец атамана» вышел на экран, я с особой болью почувствовал разницу между театром и кино, лишаящим возможности от спектакля к спектаклю жить жизнью героя. Когда растеаешься с такой ролью, как Чадьяров, происходит некое раздвоение — будто часть твоей собственной души обрела иную плоть и начала существовать самостоятельно. Я тосковал по Чадьярову, мне его не хватало. Наверное, и потому, что ни в театре, ни в кино роли подобного масштаба мне не могли предложить.

— А Елеман? Спектакль «Кровь и пот» состоялся между фильмами «Конец атамана» и «Транссибирский экспресс». Ведь так?

— Да, и работа в этом спектакле была для меня... точнее, чем словами Станиславского, тут не скажешь — «актерским раем». Прекрасная литературная основа — роман А. Нурпеисова «Кровь и пот». Одно из лучших произведений казахской прозы. И в романе, и в пьесе характеры, атмосфера выписаны реалистично, ярко. «Актерский рай» создал режиссер А. Мамбетов, отнюдь не отличающийся ангельским характером. Над этим спектаклем мы все работали вдохновенно, страстно. Через людские характеры воссоздавали конкретное историческое время, канун Великого Октября, зарождение классового сознания у аральских рыбаков. Через метания, сомнения я вел рыбака Елемана к пониманию того, что у него есть только один правильный путь — в революцию.

— Ваш Касымханов в фильме «Транссибирский экспресс» продолжение не только Чадьярова. В этой роли воплощен художнический опыт, обретенный в театре, психологическая глубина, лицевая виртуозность... После «Транссибирского экспресса», пожалуй, никто не мог предположить, что вы артист, как говорится, в расцвете лет, уйдете в режиссеры.

— А я ведь и не сразу на это решился. Просто все так сошло. Ушел тогда на несколько лет из театра Мамбетов. Старые спектакли стали рассыпаться. Новые делались на таком художническом уровне, что я просто не мог себе

позволить принимать в этом участие. Да и пьесы брались тогда попроще — без мысли, без героев. Я как артист пытался спастись в кино. Но и там не было интересной работы.

И вот тогда я решил попробовать силы в режиссуре. Первый фильм «Год дракона» снял для того, чтобы заработать право на постановку фильма о Чокане Валиханове, первом казахском ученом-просветителе. Я задумывал его не только как исторический фильм, но и как историко-революционный. В характере Валиханова есть революционные зерна. Если уж говорить о моих несыгранных ролях, то одна из самых горьких для меня печалей — несыгранная роль Чокана Валиханова. Личность Чокана меня интересовала со студенческой скамьи. К Чокану Валиханову с полным правом относится энгельсовская характеристика художников Возрождения, «титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености». Я счастлив, что мне доверили снять четырехсерийный телефильм «Чокан Валиханов». Дважды счастлив тем, что роль Чокана исполняет мой сын Сагий. Сейчас он служит в армии. Мечтает о кино.

— А у вас какие планы?

— Вы же были на нашей студийной конференции, слышали. От имени сценарно-редакционной коллегии было сделано «оптимистическое» заявление: «Наш портфель пустой»... А может быть, это и к лучшему, что пустой. Начнем с новой точки отсчета, с нового уровня общественной и художнической мысли. Партийный съезд обязывает нас, художников, с большой точностью и глубиной осмыслить и вчерашний день, и особенно сегодняшний. Мы обязаны выйти на новые рубежи, взять новые художнические высоты. Переломное время выдвигает сегодня людей масштабных, ярких, самоотверженных. У меня, к сожалению, нет еще в руках сценария с такими героями. Буду терпеливо ждать. Буду искать. Готов всячески помогать серьезному талантливому сценаристу. Пустячные фильмы ставить не стану. Это твердо.

Беседу вела
В. МАРИЧЕВА.

25 АПР 1986